

РАННЯЯ АНТИЧНОСТЬ И МОНОТЕИЗМ

Удивительное философское рассуждение о природе божества мы находим уже у первого мыслителя элейской школы и учителя Парменида — Ксенофана. Советские «философы» пытались выдать его чуть ли не за предшественника «научного атеизма», за того, кто выводил эту природу из человеческих свойств, превращая богов в простую проекцию людей, в которой человеческие качества просто окрашиваются фантазией и не более чем приобретают несколько большие масштабы, масштабы самого человека. Ксенофаном говорится, что если бы и животные умели изображать, они изобразили бы богов по своему подобию. То есть в божестве нет ничего, чего бы уже не было заранее в том, кто говорит о божестве, божество, тем самым, не самосуще. Как будто бы таков «атеистический» аргумент философа:

Если бы руки имели быки и львы или кони,
Чтоб рисовать руками, творить изваянья, как люди,
Кони б тогда на коней, а быки на быков бы похожих
Образы рисовали богов и тела их ваяли,
Точно такими, каков у каждого облик.¹

Но этот текст Ксенофана не имеет к атеизму никакого отношения, так как философ высказывается в нём, по нашим меркам, «иронически» не по поводу богов или Бога вообще, а только по поводу греческого политеизма, в котором представление о божестве просто не является, с его точки зрения, истинным. Этим многим богам, действительно, очень близко свойственно по своему образу человеку. Это и дает философу почву для сомнения по поводу их истинности, ведь подлинно божественное не есть человеческое. У Ксенофана этим ошибочным, на его взгляд, представлениям противостоит понятие об истинном Боге, в бытии которого сомневаться никак не возможно. И главное отличие этого понятия от предшест-

¹ Фрагменты ранних греческих философов, М.1989, С. 171.

вующих теологических представлений состоит в том, что Бог Ксенофана — единственный Бог. Мыслить многих богов совершенно невозможно, если ты собираешься оставаться в пределах мысли, а не смутных и расплывчатых представлений о божестве. Вот выдержки, составляющие сведения об учении Ксенофана из сочинений Псевдо-Аристотеля: «если бог — самое могущественное из всех [сущест], то ему подобает быть одним, говорит он. Ибо, если бы [богов] было два или больше, то он не был бы самым могущественным и самым лучшим из всех сущест. В самом деле, каждый из многих, равным образом был бы таким. В том-то и суть бога, и сила бога, чтобы господствовать, а не подчиняться, и быть самым могущественным. Следовательно, поскольку он не обладает превосходством, постольку он не бог»¹.

Здесь мы видим явный, притом именно философский шаг к монотеизму, в котором философское и богословское видение просто неразличимы, что свидетельствуется и сочинениями более поздних христианских авторов. Вот соответствующая цитата из сочинения преподобного Иоанна Дамаскина «Точное изложение православной веры»: «Божество — совершенно и без недостатка как относительно благодати, так и мудрости, так и силы, безначально, бесконечно, вечно, неопишимо, и просто сказать совершенно во всех отношениях. Поэтому, если скажем, что богов — много, то необходимо, чтоб между ними многими замечалось различие. Ибо, если между ними нет никакого различия, то скорее Бог — один, а не много богов. Если же между ними есть различие, то — где совершенство... А каким образом многими будет управляться мир и не разрушится, и не погибнет, когда между правителями усматривалась бы борьба? Ибо различие вводит противоречие... Поэтому Бог — один, совершенный, неопишемый. Творец всего, как Сохранитель, так и Управитель, выше совершенства и прежде совершенства»². Во времени этих писателей разделяет не менее тринадцати веков, но логика доказательства, по существу, та же самая, и нам важно подчеркнуть, что именно «логика». Бог здесь прежде всего логически один, то есть, если бы даже мы и захотели считать, что богов много и при этом оставаться мыслящими людьми, то у нас ничего бы не вышло. Если мы признаём за богом Его всемогущест-

¹ Там же. С. 160

² Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М.-Ростов-на-Дону, 1992. С. 81-82.

во, то должны признать и Его единственность и единство. И эта связь буквально заложена в природе самого нашего мышления. Пока мы мыслим, мы не можем считать иначе, ибо в противном случае неизбежно впадаем в противоречие с самими собой, что ведёт к тому, что мы перестаём себя удерживать и сознавать. Тогда сознание предается потоку мнений и представлений непонятным для нас образом у нас возникающих, или желаний, всех последствий исполнения которых мы не способны предвидеть.

Пока Моисей отсутствовал, ибо Бог говорил с ним, еврейский народ успел «сотворить кумира», изготовить золотого тельца, т.е. второго бога, который в его не мыслящем, т.е. смутном и переполненном случайными представлениями сознании как-то совмещался с первым. Произошло бы такое событие или не произошло — всё в данной ситуации зависело от присутствия или отсутствия пророка, без которого народ почти неизбежно впадал в ложное состояние. Не управляемый и не руководимый извне человек здесь оказывается не способным к богопознанию. Но внешнее отношение между познающим и Истиной и есть только внешнее отношение. Оно по природе своей менее надёжно и устойчиво, нежели то, когда истина постигается изнутри, в единстве с собственным пониманием того, кто к ней обращается.

Надежда на веру как таковую, равно и упреки в её отсутствии здесь явно сами по себе не срабатывали в прошлых временах и не сработают по отношению к современным ситуациям. Вера как таковая только открывает нам реальность того, что уже стало предметом познания, о чём мы уже говорим, для чего у нас уже есть имя. Выше мы показывали, каким образом современный человек знает вещи, среди которых живёт на уровне возможных для него представлений и понятий и параллельно верит в их существование вне зависимости от этих представлений и понятий. Без возможности получения таких устойчивых, возникающих по критериям науки образов вещей начинает ослабевать и вера в их бытие.

Сегодня мы не верим в русалок и леших исключительно потому, что всё наше знание о них, с точки зрения научных критериев, явно оставляет желать лучшего, хотя наши не столь уж далёкие предки верили в то, что русалки и лешие существуют, безоговорочно. И вера эта поддерживалась коллективными представлениями, всевозможными поверьями и мифами. Эти представления были всеобщими, тем самым имели под собой достаточно прочный до

времени фундамент. Никто не мог представить себе небытия мифологических существ, ибо никак не мог представить себе, как это можно сделать, каким образом лешие и русалки могут не быть.

Но вот в область подобных представлений вторгается наука, которая загоняет их на некоторую периферию сознания, в область «архаических по происхождению народных суеверий». Открывается реальная возможность относиться к предметам прежней веры по-иному. И тогда они теряют свою всеобщность и обязательность. Сами те, кто продолжает верить в них одновременно как-то дистанцируется от своей веры или пытаются доказать, обосновать её, опираясь на «случаи из жизни», — так заявляют о себе гости из запретной для научного разума области. Но все подобные попытки имеют лишь относительный успех, всякий раз превращая того, кто их осуществляет, в аутсайдера или маргинала. В то же время, распространённость и всеобщая признанность научных представлений явно содействуют постоянству веры в вещи и, в свою очередь, иницируются этой верой. «Закон науки» или «закон природы, открытый наукой», воспринимается нами сегодня как нечто должное быть признанным всеми, а уклонение от этого требования воспринимается как «невежество».

Такая взаимосвязь и взаимоподдержка чистой веры в вещи и представления о предмете этой веры, бесспорно, имеет место. Хотя мы продолжаем утверждать, что вера в своём истоке изначальна и не может возникнуть из простого наличия в сознании образа её предмета. Современный человек так любит вещи и верит в них, что он требует от науки как раз того, что, по своим возможностям, она не может ему дать: универсального знания о мире, которое начисто бы исключало возможность иной веры и сразу превращало эту иную веру в суеверие. Но мы уже говорили, что такое знание невозможно уже потому, что бытие предмета никак не выводимо из факта его восприятия. В противном случае мы имели бы все основания говорить не об образе вещи, а о самой вещи как безусловно присутствующей в мире помимо всякой её данности в опыте или в понятии. Предъявляя к знанию требования, явно превышающие его возможности, любовь к вещам неизбежно превращает научное знание в миф о вещах самих по себе, в то, с чем так упорно боролся Кант. Ведь современная наука оказалась почти в таком же положении, что и двести лет назад, когда ни у кого не вызывала сомнения сама возможность познания ноуменов.

Рассуждения Ксенофана задали долгосрочную перспективу европейской истории, наметили некую стержневую линию, которая помогла Западу избежать драматической ситуации, оказавшейся, по всей видимости, неизбежной для Востока. Сознанию в восточной церкви, с точки зрения утверждения новой веры, всему предстояло держаться не почве философской логики, а на каком-то экзистенциальном подвиге, прорыве, личностном риске. Единобожие истинного Бога в буквальном смысле обреталось в способности совершить невозможное. Такова была жизнь ветхозаветных пророков, которые всегда кровью своею готовы были удостоверить истину. На европейской почве, при всей напряжённости стремления обрести истину и событийной насыщенности, всё происходило как-то «спокойнее». Судьба Сократа здесь скорее исключение, нежели правило, и причина та же. Отсутствие или малозначимость в неевропейском мире единого порядка рассуждения, обладающего внутренней достоверностью, заставляющего каждого, кто ему внимает, подчиниться самой же логике рассуждения, а не чьему бы то ни было авторитету или влиянию какой-либо харизматической личности.

Достоверность не требует ссылки на авторитет или силы убеждения. Если ты имеешь разум и способен им пользоваться, то для тебя, благодаря твоим же собственным усилиям, станет ясно, что истинный Бог может быть только один. Нет, конечно, учитель, способный пробудить в ученике уже присутствующую в нём способность рассуждения, необходим, но ситуация здесь иная, нежели в том случае, когда обучающий вырабатывает у ученика лишь навыки согласия с тем, что сам же говорит от имени истины, и приучает ожидать, когда «харизматическая личность» вновь соблаговолит приоткрыть врата тайны. Ситуация школы в том виде, в котором последняя сложилась в Европе со времён античности более благоприятна, нежели ситуация религиозной общины как таковой. Самостоятельный путь продвижения к Истине со стороны учеников под руководством учителя в школе уже найден. Он может быть очень извилист, но это всё же наметившийся путь, а не стояние на месте в ожидании властного призыва религиозного лидера.

Призыв верить другому сменяется или совмещается с советом верить себе, своему собственному разуму, и разум оказывается гораздо более надёжным путеводителем, так как всегда при нас, если мы сами достаточно добросовестно упражняемся в том самом «пустословии». Мы всегда можем проверить в пределах собственного

сознания, не является ли просто вопиющим противоречием и абсурдом вера во многих богов и тогда истинность единого Бога станет для нас в очередной раз очевидной. Понятно, тем самым, что готовность удержать в своём сознании единобожие оказывается более высокой на Западе, нежели на Востоке, а значит и перспективы существования христианства как культурно-исторической реальности более надёжными. Доказательством этого является почти полная расхристианизация в начале позапрошлого века страны, одно время гордо именовавшей себя «Третьим Римом»

Да, чтобы впервые сказать истину, тоже нужна смелость, но сказанная истина начинает потом поддерживать тебя самого, ибо, будучи превозглашённой в разуме, она принуждает других, имеясь, конечно, в виду те, кто способен «внимать Логосу» принять тобою сказанное и тебя как впервые высказавшего правду в логически общеобязательной форме. В философском рассуждении проявляется нечто совершенно удивительное. Всеобщее рождается в сознании не силой коллективного представления, что мы наблюдаем в мифе, а действием одной личности, которая, казалось бы, если первоначальный миф распался, должна была оказаться способной высказывать теперь только мнения, обречённые на конкуренцию с другими мнениями и лишённые основания образовать какое-либо достаточное устойчивое единство.

Но грек, создавший чистую математику и философскую логику продемонстрировал именно невозможное. Он пришёл к такой форме мысли, в пределах которой один смог высказываться за всех, притом совершенно не навязывая другим своего частного мнения, а рассуждая таким образом, что все остальные добровольно должны были признать его правоту, если оставались в пределах мыслящего сознания, сохраняли логическую вменяемость. Был найден образ действия, при котором единичная личность парадоксальным образом приобретала всеобщие качества. Это наисущественнейшее свойство греческого ума мы отчётливым образом наблюдаем в диалогах Платона, когда Сократ принуждает своих оппонентов принять его, Сократа, утверждение, с которым они сразу, до того момента как Сократ начинает рассуждать, не соглашаются.

Но вот Сократ начинает доказывать свой тезис и по мере доказательства всякий раз просит собеседника удостовериться, согласен ли он с доводами Сократа, то есть предоставляет оппоненту полную свободу в принятии или неприятии этих доводов. И, о чудо, оппо-

ненты, вопреки соображениям честолюбия или каким-либо иным обстоятельствам, которые в таких случаях препятствуют согласию, покорно принимают сторону Сократа. Они могли бы в любой момент сказать «нет», «Нет» — и всё тут. Но они находят в себе решимость следовать Истине, хотя она не торжественно возглашается в месте, где живут боги, а преподносится по всем внешним признакам обычным человеком, даже не очень «внушительно» выглядящим. Грек чувствует, как под влиянием этого человека Истина вдруг начинает просыпаться в нём самом, и огорчение от поражения в словесном споре вдруг оборачивается чувством победы, так как, потеряв частное и потому малозначительное, человек обретает в истине всеобщее. О месте этого посещения истины «сверху», и одновременно «со стороны», и одновременно «изнутри» можно сказать, наверное, теми самыми словами Гераклита, которые он произнёс во время посещения чужеземцев: «Боги обитают и здесь тоже».

В этом тоже содержался теологический момент, ведь данная способность выходить за пределы своих частных интересов никак не могла быть выведена из сугубо частных же и направленных на земные предметы человеческих усилий. «Божественная наука» возникает совершенно неожиданно как дар человеку со стороны того самого гераклитовского «Логоса», который перестал скрываться и наконец даровал человеку приобщиться к Нему в логике, наделив сугубо-индивидуальное сверх-индивидуальным в результате чего на арену исторического действия собственно и выступает сознающая себя в таком качестве личность. Но личность есть и важнейшее понятие христианского богословия.

Стало быть, речь несколько не должна идти о каком-то позднейшем синтезе философии и христианства, а об их изначальном единстве в очень важном элементе философской мысли и христианского вероучения одновременно, в состоявшемся самообнаружении личности. Человек действительно не был бы способен подняться до этого уровня своего существования, если бы предметом мысли был не Бог, а нечто иное, что ниже его, те же многообразные боги языческого пантеона. Ведь личность сама по себе есть нечто единое и не может быть выведена из многого или обосновано многим. Здесь, пожалуй, мы можем найти первую точку даже не соприкосновения, а совпадения философской истины с будущим догматическим положением, удостоверяющим единобожие.

Это сущностное совпадение можно выразить в разного рода определениях, например, в таком: если я как личность представляю из себя своего рода единство, то данное моё состояние оказывается возможным только в соотношении с единым Богом. Стать единым тому, кто не представлял до того подлинного единства, можно лишь встретив изначальное единство, единство как таковое, не имеющее иного имени, кроме имени Бога. Хаос не может прийти к собственному отрицанию силами самого хаоса. Ещё для Фалеса, утверждавшего, что «всё есть вода», было так же ясно, что «всюду полно богов». Но для Ксенофана и элейской школы в целом понятие бытия уже не могло сопрягаться с водой как образом, по сути дела, добытийного хаоса. Подобное со стороны мысли могло быть прощено лишь человеку, признанному и призванному быть зачинателем философии, переходной фигурой от мифологического состояния к логическому.

О хаотическом в дальнейшем движении мысли следовало не просто забыть, но и надёжно преодолевать его рецидивы, когда речь заходит о единой и истинной основе мира. Да, всё растворяется в хаосе и он в этом смысле есть объединяющее начало всего, всепоглощающая и всепорождающая бездна. Но всё дело то в том, что сам хаос вовсе *не есть* в смысле понятного и артикулированного субъекта бытия. Таким субъектом может выступить только божественное начало, так как оно оказывается не чистым отрицанием индивидуальности (за счёт которого и мыслится всеобщность хаоса), а как раз концентрацией и истоком всякого бытия и только в таком качестве бытие вообще может быть помыслено.

Махлак К.А.

КОНЦЕПЦИЯ ПЕРВОГО СУЩЕГО У АЛЬ_ФАРАБИ И СВ. ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА

Абу Наср Мухаммад ибн Узлаг аль-Фараби (ум. 950) — крупнейший представитель арабской философии, наряду с Аль Кинди (800-879) основатель своеобразного интеллектуального движения в исламском мире. Как в Византии и на латинском Западе, философия